

ЦЕХ ЗА КУЛИСАМИ

Репортаж

Прожектор высвечивает на сцене воздушную фигурку балерины. И вот в сдержанных и пленительно-трепетных движениях Светлана Губиной, в лиричном таянии Юрия Сидорова, в мужественном балетном рисунке Владимира Мельникова зритель наблюдает как бы рождение нового спектакля, который, быть может, надолго полюбится ему. У него, очарованного совершенной пластикой «смычку» волшебному послушным солистом, в душем случае мелькнет мысль о том, какая работа предшествовала это-

для артистки Н. Бабичевой, готовящей роль Зои в спектакле «Заглянуть в колодезь». А вот это — для матушки Кураж.

Итак, тринадцать закройщиков, швей и портных «обшивают» все спектакли. Для каждого спектакля, для каждой картины, для каждого актера первого и второго состава — новый костюм, абсолютно законченный, сделанный зачастую, как в жизни.

— Прекрасным театральным материалом является тарная ткань. Да, обычная мешковина, — улыба-

самого привередливого художника. Опыт дал ей то же, что и опочиная специально театрального художественно-технического училища Кате Настич.

Отправляемся в художественно-декоративный цех, тот самый, где расписываются воуфабрикаты костюмов. Здесь же по эскизам художников шьются все декорации к спектаклям. Просторное высокое помещение. В нескольких метрах под потолком специальные трапы, на которые поднимаются художники, чтобы посмотреть, как выглядит растительные на полу задники.

Бутафорский цех. Здесь изготавлиется для сцены весь реквизит: цветы, посуда, шкатулки — всего не перечислять. Я видела в работе большую «хрустальную» люстру из обычной белой жести. Или, например, на сцене, оказывается, нельзя поставить обычный приемник. Спецический приемник делают по эскизам бутафоры.

В столярно-поделочном цехе делают мебель. Опять же строго по эскизам художника, оформляющего спектакль. Группу столяров-декораторов возглавляет Василий Семенович Тимошкин. Я заметила, что сопровождающий меня Сергей Иванович намеренно задает всем один вопрос:

— Сколько лет в театре?

Василий Семенович отвечает обстоятельно:

— Тридцать пять лет уже. С театром был во время войны в Беломорске, Владычестове. Семь лет работал одновременно и машинистом сцены.

А Сергей Иванович Каллио, ведающий театральными мордорам, начал развивать свою мысль:

— В театр приходится надолго, ятме — навсегда. Эта работа — разнообразная, напряженная, волнующая — захватывает. Если позволите, скажу о себе. Тоже уже 12 лет в театре. Пришел электриком, работал бутафором, был в заведующим восстановочной частью.

Заходим в гримерно-пастжерский цех (это грим и парики). Сергей Иванович наглядно доказывает свою мысль:

— Знакомьтесь, Семен Захарович Левачин — знаменитый певом, потомственный художник-гример с сорокапятилетним стажем. Старший мастер Мари Викторовна Юсти, более двадцати лет у нас.

— Бог дамских причесок, — вставляет Семен Захарович.

— Старший мастер Валентина Михайловна Пашникова, работает 15 лет, — продолжает мой гд.

В одном из кресел Светлана Губина превращалась под чуткими руками Мари Викторовны в Надежду из балета «Сильнее любви». Сегодня — сдвач спектакля. Мы посмотрели немножко и потля ловить других «исполнителей». Не тех, которых сейчас одевали, гримировали. А тех, кто одевал, гримировал, готовил сцену.

«Подмани» в коридоре старшего костюмера Мариетту Георгиевну Сивонен. Именно поймала.

— Ведь всех нужно одеть, — сокрушается она.

Ведет меня в свой цех в показывае длинные ряды с костюмами на вешалках. Восемь с половиной тысяч костюмов, к десяткам спектаклей! И костюмерши — опытные лодчмаы в этом море.

О хозяйстве электриков-осветите-

лей рассказывает Михаил Георгиевич Гумилев. («С 30-го года в театре», — вставляет Сергей Иванович).

Потом я была на сцене, где уже всюю хозяйничал художник спектакля П. Белов вместе с осветителями и рабочими сцены, устанавливающими декорации. Познакомилась с «самым главным» помощником режиссера Верой Яковлевой Богдановой, которая ведет спектакль, командует перестановкой декорации, вызывает на сцену артистов, дает сигналы электрикам, оркестру в т. д. и т. п. Уже с ножницами и нитками наготове пристроилась в стороне костюмеры-одевальщицы.

И вот вышли те, кому сегодня будут аплодировать зрители.

Эти аплодисменты будут относиться и к тем, кого мы не видим на сцене. К тем людям, кто — каждый на своем посту — участвует в рождении спектакля.

А. ЧИЖОВА.

На снимке: старший закройщик Е. Настич.

Фото Г. Глиноцкого.

му совершенству. И почти никогда не вспоминаем мы о всей большой армии создателей спектакля.

Несколько дней назад я вошла в здание театра не через высвеченный в сумерках главный подъезд, а через небольшую служебную дверь. Познакомилась с заместителем заведующего художественно-постановочной частью Сергеем Ивановичем Каллио и вместе с ним побывала во всех театральных цехах. Предлагаю и вам, читатель, совершить это небольшое путешествие.

Мы идем в пошивочный цех и знакомимся со старшим закройщиком Екатериной Настич. Катя сразу же достает эскизы художников.

— Сейчас в работе три спектакля, — объясняет она. — Это «Последние», «Заглянуть в колодезь» и «Матушка Кураж». Заказываем подгонку костюмов к балету «Сильнее любви». Вот шьется платье

етс моему изумлению Катя. — Расписанная красками, она смотрится на сцене как парча. Пиджак из тарной ткани выглядит как из шерсти. Только он должен быть хорошо сшитым.

— Конечно, мы стремимся использовать материал поделешнее. Шерсть заменяем сукном. Балетные пачки делаем из акрахиленной марти. Бархат заменяет байка или сукно с сильно начесанным гребенкой ворсом. Но, повторю, имитация чаще употребляется в костюмах музыкальных и балетных спектаклей. Дrame, где особенно ценна верность реальному даже в деталях, обычно шьем из натуральных материалов.

Все мастера цеха уже давно в театре. И все единодушны: интересная, разнообразная работа. 15 лет работает здесь Ольга Александровна Руфанова. Опытной закройщице не страшен любой эскиз